

Дебютировал он блистательно. Студентом Школы-студии МХАТа снялся в фильме Михаила Ромма "Убийство на улице Данте" и сыграл Гамлета в спектакле Николая Охлопкова на сцене Театра имени Маяковского. Затем работал в "Современнике" в лучшую его пору, во МХАТе, Театре на Малой Бронной, "Ленком". Снялся во множестве картин, среди которых "Человек-амфибия", "Соломенная шляпка", "Здравствуй, я ваша тетька!", "Комедия ошибок", "Вся королевская рать", "Выстрел", "Балтийское небо", "Девять дней одного года". Поставил телефильмы "Безымянная звезда", "Если верить Лопотухину", "Покровские ворота", "Визит дамы", "Тень". Создал "Русскую антрепризу Михаила Козакова", которая родилась во время проживания актера в Израиле и сейчас вместе с ним перебралась в Москву. Но в жизни Михаил Козаков меньше всего похож на довольного собой любимца публики. Скорее, к нему подходят известные слова Пастернака: "С кем протекли его боренья? С самим собой..."

— Михаил Михайлович, несколько лет назад вы уехали в Израиль, теперь вернулись. Не понравилось за границей?

— Израиль — замечательная страна. Но я себе там не очень понравился. Мешал даже не языковой барьер, а менталитетный. Когда я делаю спектакль здесь, ощущаю себя одним из сидящих в зале. У нас общие российские мифы, история, культура, в генах заложенные. И если я умею слышать время, чувствовать людскую боль, радость, я аккумулирую их в себе и пытаюсь передать зрителям. Но нащупать это не просто, живя в своей стране. А в чужой? И еще, Россия велика, есть куда поехать на гастроли, а если неудовлетворен работой в одном театре, можно уйти в другой, что я и делал. В Израиле для человека нашей профессии вариантов гораздо меньше. Я работал в Камерном театре, потом создал "Русскую антрепризу", потому что в израильской чувствовал себя слепым, как крот. И спало преподавание — я достаточно овладел ивритом, чтобы и играть на нем, и ставить со студентами дипломные спектакли.

Но я благодарен Израилю: смог там в какой-то степени понять, кто я есть на самом деле. Раньше у меня, как у каждого советского человека, были комплексы. Нам казалось, что хорошо там, где нас нет. Но вот хорошо ли это для тебя лично? Кто-то вписывается в чужую среду так, будто там и родился — неважно, Израиль это, Америка или Франция. А я — нет. Мне стало ясно, что хочу домой, что я немыслим вне Ордынки, поезда "Москва — Санкт-Петербург", российского менталитета. Израиль избавил меня от иллюзии, что я — человек мира. И теперь у меня нет безумного стремления за рубеж: даже отдыхать предпочту в Комарове или Переделкине, а не на Кипре, скажем.

— Здесь вам живется легче?

— Жить вообще не просто. Я вынужден работать очень напряженно: у меня семья. Так случилось, что у меня двое маленьких детей: восьмилетний Мишка и Зоя, которой два с половиной года. Мы должны помогать родителям жены, которые живут в Израиле, содержать няню, чтобы самим ездить на гастроли, а на все это нужны деньги. Идти в какой-нибудь театр на нищенскую зарплату я не могу. И не рассчитываю, что буду много сниматься, — я уже не в том возрасте. Конечно, есть возможность иногда сделать на телевидении какую-то передачу, спектакль или даже фильм, почитать стихи в концертах или записать их на кассетах: скоро выйдут два моих диска с поэзией Бродского — итог двадцатисемилетней работы, надеюсь записать пушкинского "Медного всадника". Делать это приятно, интересно, но стоит все копейки.

И сегодня для меня единственно возможный способ существования — "Русская антреприза Михаила Козакова". Название ее придумалось в Израиле, менять не стал. А драматизм ее существования в том, что мы не государственное учреждение, нам не помогают ни мэрия, ни министерство. Надо искать спонсоров, что я, к сожалению, абсолютно не умею делать. Может, кто-то прочтет это интервью и откликнется?

Показать нам есть что: играем "Возможную встречу" Пауля Барца о Бахе и Генделе, комедию "Невероятный сеанс" Нозля Кауарда, сейчас выпустили еще две премьеры. Я поставил пьесу Альдо де Бенедетти "Паола и львы, или Сублимиация любви в стиле комедии дель арте" с Олегом Басилашвили, к которому "присовокупил" двух прекрасных московских актеров — Амалию Мордвинову из "Ленкома" и мхатовца Игоря Золотовицкого. И сделал спектакль "Цветок смеющийся" по комедии Нозля Кауарда в переводе Михаила Мишина,

где играю главную роль. Там заняты Светлана Немоляева, Алла Балтер, Ольга Остроумова, Амалия Мордвинова, Майя Менглет, Лидия Савченко, Игорь Кашиничев, Александр Голубоворский, Сергей Рубеко, Юрий Корнев.

МИХАИЛ КОЗАКОВ: Куранты. — 1998. — 26 февр. — с. 20.

"НЕНАВИЖУ НЕПОРЯДОЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ..."

Но вся "Русская антреприза"

— это моя жена Аня, которая стала продюсером, ее помощники Лена и Сережа и ваш покорный слуга. Каждый из нас делает работу за десятилетия, расходы огромные — мы же все помещения арендуем! Сначала офис был у нас дома, но тут я взбесился, и сейчас снимаем маленькую комнатку. В Москве входим в антрепризу Олега Березкина, который арендует Театр имени Пушкина и другие сцены, сейчас Геннадий Хазанов предоставил нам возможность репетировать и играть в театре эстрады.

Но на все нужны деньги, а где их брать, если мы живем только продажей нашей продукции? Только в долг. Я точно в рулетку играю: то ли выиграю, то ли проиграю, и что тогда — стреляться, квартиру продавать? Уж и не мечтаю о своем здании, нам хоть бы подвал какой-нибудь, где можно было бы сложить декорации, репетировать бесплатно и не чувствовать себя Матросовым, груду закрывающим амбразуру.

Конечно, трудно все держать на себе в шестьдесят три года: я же сам и завлит, и режиссер, и актер. А еще надо ходить по другим театрам, бывать в филармонии, читать книги, что-то пописывать впрок, заниматься воспитанием детей да и за здоровьем следить — я обязан быть в форме. Поневоле становишься расчетливым, отсекаешь от себя всякие тусовки, трепотню и прочую муру.

— О прогулках по Москве уж и не спрашиваю. Но недавно по ТВ снова показали ваш фильм "Покровские ворота". Так рассказать о Москве мог только человек, в нее влюбленный. Я права?

— Я по рождению — питерец, знаю и люблю пушкинский Петербург, может, потому и поэзию читаю в основном петербургскую. Но в Москве про-

жил сорок лет, она для меня родная. И в "Покровских воротах" старался передать даже не знание Москвы, а чувство ее.

Рассказ о сегодняшней Москве, конечно, был бы иным. Она стала лучше, красивее, как и другие российские города. Строятся новые дома, люди стали лучше одеваться, и не только новые русские. Появились какие-то приятные уголки, кафе, магазины. Я не имею возможности, да и не особенно хочу, покупать супер-одежду: чисто — и ладно! Но утешает сам факт: если мне понадобятся концертные ботинки или джинсы, которые всю жизнь ношу, не придется мучиться в поисках. А я помню, как в восьмидесятом году час стоял в универсаме у себя на Добрынинской за западногерманскими джинсами. По-

людьми — Давидом Самойловым, Натаном Эйдельманом, Арсением Тарковским, Булатом Окуджавой, Василием Аксеновым, Евгением Рейном и еще десятками других.

— Из этого круга и ваши родители, ведь отец — известный писатель Михаил Козаков, мать — литературовед, редактор?

— Матушка так и остается моим идеалом. Она была удивительно умным и сильным человеком, я себя рядом с ней всегда чувствовал слабым. Будучи дворянкой, невестой Николая Бенуа, она не уехала в эмиграцию, пережила "посадку" тридцать седьмого года, гибель двух сыновей, моих братьев, — одного на фронте, второго в сорок шестом году, "тащила" отца, помогала ему. Она всегда была оптимисткой, умела скрыть свое дур-

И без чтения стихов себя не мыслю: сказываются нереализованные музыкальные способности. Я люблю музыку — и классику, и джаз, и великую эстраду: она учит меня ощущать музыкальность поэтического слова. То, как играют Гилельс, Рихтер, Давид Ойстрах или Женья Кисин, для меня — высшая школа.

— Те, кого вы сейчас называли, — личности в искусстве. По-вашему, талантливый человек должен быть личностью?

— Обязательно. Хотя в актерстве иногда можно обмануть. Бывают психологически одаренные актеры, они как животные. В жизни такой может быть дурак дураком, прочитав две книги и думать спинным мозгом, а на сцене он с блеском сыграет и профессора, и Гамлета. Но все-таки по итогу жизни, по судьбе не обманешь. Почему мы говорим: "Высоцкий!", "Окуджав!", "Бродский!"? Потому что они личности. Конечно, идеал всегда недостижим. И меня это мучает беспрерывно. Я не считаю себя большим режиссером, просто занимаюсь актерским психологическим театром. По мне, режиссер — слепец, который ведет слепых, совсем как на картине Брейгеля. И если поводирю откажет интуиция, ведомые враз его сожрут. Но когда тебе удастся что-то изобрести, радуешься как ребенок.

По сути своей, я донор, а не вампир, я говорю актерам: "Показываю вам, как надо, а вы подхватите!" И благодарен тем, кто не только берет мое, а еще и приумножает его. У меня так было с Олегом Далем, Мариной Нееловой, Катей Васильевой, с Калюгиным, Райкиным. И моим нынешним актерам я благодарен — за их доверие, трудолюбие. Ненавижу непорядочное отношение к труду! Да, я могу быть несовершеннолетним, но выкладываться буду на те двадцать процентов! И готов полгода биться, скажем, над одним стихотворением Бродского, чтобы его распознать. Поэтому что в искусстве самое важное — не давать себе спуска, выжать из своего пустя маленького КПД максимум.

— А бывают минуты, когда опускаются руки?

— Бывают. Ненавидишь себя, презираешь, жалешься, ничего не хочешь. Но думаешь: а какой выход, ты же ничем другим заниматься не можешь? Знаете, я во многом потерял вкус к жизни, к сожалению: глаз видит, а чувства нет. Раньше любил в теннис играть, в море купаться, мне нравилось красиво одеваться, бывать в шумных компаниях, ухаживать за женщинами. Сейчас нет. Зато приобрел что-то другое. Пришло более глубокое понимание смысла жизни, своей профессии, отношения к окружающим. Но нервы иногда гуляют, случаются срывы, стрессы. Ерунда может вывести из себя — и орешь на близких. Курю, хотя знаю, что нельзя, пью, не умею быть терпеливым до конца, любить ближнего, как самого себя. Да и себя любить не умею. А может, люблю чересчур, как всякая земная тварь. Беспрестанно мучаюсь страхом за детей: вдруг не сумею их защитить? Да вы об этом лучше мою жену расспросите, она вам расскажет.

С актерами в быту вообще трудно. Мы подвержены невращению, эгоизму, комплексам, перед спектаклем боимся, после заснуть не можем. Актер всегда сосредоточен на роли, не получается что-то — и тебе жизнь не в жизнь, все раздражает. Слава Богу, у меня есть своя комната, в такие минуты прячусь туда и говорю домашним: "Не обращайтесь на меня внимания". Но не подумайте, что я несчастливый человек. Я столько радости знал от общения с людьми, их любви, от детей, внуков, друзей, мне столько счастливых минут выпадало и на сцене, и в жизни.

— Известно, что времена не выбирают. А если бы выбор был, какое время вы бы предпочли?

— Ничего бы не выбрал. По-моему, легких времен нет. Нам еще повезло. Вот те времена, тяжесть которых упала на наших родителей, были страшными: с войной, сталинщиной, террором, раскулачиванием, опухшими от голода деревнями. И мы по сравнению с тем поколением очень счастливые люди.

Беседу вел Татьяна Исканцева.



мно пустые прилавки, очереди за продуктами, погоню за детским питанием, лекарствами. Сейчас в нашем быту появились свои плюсы. Да я все равно человек не-

ное настроение, даже умирала мужественно. Евгений Шварц написал о ней: "Зоя — с темпераментом катка!", имея в виду асфальтовый каток, который всюду пройдет. Я всю жизнь стремлюсь быть, как она. Но не всегда получается — впадаю в уныние чаще, чем надо.

— Вы — и в унынии?

— И еще в какое! В депрессии я человек очень тяжелый. Просто борюсь с этим, как могу, и иногда выхожу победителем. А на самом деле я не сильный человек, просто, как все мы, хочу казаться кем-то. А надо быть адекватным себе. Надо ни в чем не лгать, не падать духом и не возноситься, преодолевать страхи, болезни. Жизнь трагична хотя бы потому, что она кончается старостью. Правда, Гете говорил, что это самая счастливая пора. Может, оттого, что в старости обретаешь какое-то подобие мудрости? Скажем, в молодости волнуют премии, награды, а сейчас думаешь: какая разница? Главное — не утратить желания

Я точно в рулетку играю: то ли выиграю, то ли проиграю, и что тогда — стреляться, квартиру продавать?

везучий. Тут жена машину купила, так ее украли, пока мы играли спектакль. Машина была не Бог весть какая, но и ее жалко, когда денег нет. Хотя я сказал жене: "Не плачь, это всего лишь железка, все живы-здоровы — и то хорошо". Может, оттого, что я такой вот есть, и "Покровские ворота" получились грустной комедией. Грусть не только по ушедшей молодости. Эта картина о внутренней свободе, а ею из всех персонажей только один Костик и обладает, остальные зажатые в рамки тех или иных представлений.

— Сами вы внутренне свободны?

— Пытаюсь быть таким, но это очень трудно. Во мне еще жив сталинский страх, в генах сидит раб, которого выжимаешь по капле. Я страдаю всеми болезнями нашего поколения. Хотя особых иллюзий у меня никогда не было. Верил, правда, в социализм с человеческим лицом, врать не буду. Но уже с венгерской революцией и особенно с пражскими событиями шестьдесят восьмого года это кончилось. Мне везло: я работал в "Современнике", который в свои лучшие годы был наиболее свободным и интеллигентным театром, дружил и общался с потрещающими

жить, без которого нельзя творить. Ты должен отдавать и актерам, и зрителям свою энергию. Но иногда, к счастью, и сама ее получаешь — от партнеров, зала, от улыбок, которыми тебя встречают на улице. Все это дает силы. И Господь Бог помогает. Я религиозен, хоть и полон сомнений, к сожалению. Но в лучшие минуты чувствую помощь свыше, уповаю на нее. А бывает, со стороны кажешься удачливым всадником, а на самом деле ты под лошастью, ухватился за ее хвост и тебя тащит. Тогда спасают терпение и воля.

— Вы актер, режиссер, читаете со сцены стихи, недавно выпустили "Актерскую книгу". Какое из этих занятий для вас главное?

— Доминирует все-таки моя первая профессия — актерство, из которого выросло все остальное. Если бы меня сегодня какой-нибудь настоящий режиссер пригласил играть, я бы с удовольствием пошел и, может быть, даже перестал сам ставить — на время. К бумаге же меня потянуло желание выговориться не от имени персонажа, а от собственного лица, зафиксировать прожитое, остановить мгновение. Это как дневники, из которых вдруг получилось что-то вроде книги.